

Но вот снова, как в то утро, поднимается монсеньер епископ. Выражение его лица проникнуто печальной важностью. Читая приговор, он как бы продолжает развивать тему проповеди:

«...Мы объявляем тебя, Жанна, вредным членом церкви и, как такового, отлучаем от нее: мы отдаем тебя в руки светской власти, прося ее, однако, смягчить свой приговор и избавить тебя от членовредительства и смерти...»

«Святая церковь» никогда не проливала крови. Но если бы бальи города Руана осмелился удовлетворить ее просьбу и «избавить от смерти» осужденную, он сам был бы мгновенно отлучен и объявлен еретиком.

Время близилось к полудню. Английских капитанов и солдат разбирало нетерпение. Чего тянут эти монахи? Или они опять, как тогда, хотят спасти ведьму? Ну нет! Если они и на этот раз попытаются творить свои козни, они сами не уйдут живыми.

Группа военных окружила эшафот, на котором находились Жанна и проповедник.

— Эй, поп! Уж не хочешь ли ты нас заставить здесь обедать?

Мэтр Никола Миди развел руками, показывая, что его функции окончены. Бальи хлопнул в ладоши. Два дюжих сержанта взобрались на помост, схватили де-вушку и стащили ее вниз.

Жанна была передана в руки палача.

Эшафот действительно был очень высоким. Это сделали для того, чтобы все могли видеть еретичку. Но и она видела всех и все. Ее взор постепенно поднимался над площадью Старого Рынка. Пока палач привязывал ее к столбу, неожиданно вышло солнце. В его лучах словно купались люди, деревья и кровли зданий. Теперь помост с господами прелатами и толпы англичан совершенно исчезли из поля зрения Жанны. Она глядела вдаль и мучительно старалась что-то вспомнить...

И вдруг вспомнила.